

В КАКОМ СМЫСЛЕ ПРАВО РЕАЛЬНО? ТЕОРИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕАЛЬНОСТИ ПРАВА ЛОРЕНЦА КЭЛЕРА¹

В.В. ОГЛЕЗНЕВ,

д.фил.н., профессор
юридического факультета
Университета Бремена
(Бремен, Германия); ведущий
научный сотрудник Института
философии и права Сибирского
отделения Российской академии
наук (Новосибирск, Россия);
член Аристотелевского
общества (Великобритания),
email: ogleznev82@mail.ru

Актуальность темы статьи связана с раскрытием и объяснением основных положений теории онтологической идеальности права немецкого философа права Лоренца Кэлера, некоторые из которых представлены в статье «Ослабленная реальность права», публикуемой в данном номере. Предметом исследования является природа онтологически идеальных объектов, проявляющаяся в таких необходимых их свойствах, как пропозициональное содержание и нематериальный характер. Цель работы заключается в изложении теории немецкого философа права через анализ отдельных ее элементов. Основными методами исследования выступают историко-философский анализ и контекстуальная интерпретация. Новизна исследования состоит в том, что впервые на русском языке разбирается оригинальная теория реальности права, непохожая ни на что в современной юридической литературе. Основные выводы статьи заключаются в экспликации основных аргументов теории правового онтологического идеализма Л. Кэлера.

Ключевые слова: реальность, существование, онтология права, метафизика права, пропозициональное содержание, идеальные сущности, абстрактные объекты, эмпирические факты, нормы права, Л. Кэлер.

Введение

Вопрос «В каком смысле право реально?», используемый в названии данной работы, *prima facie* может показаться некорректным и малоинформативным, поскольку в своей формулировке он имплицитно содержит утверждение, что право реально, поэтому остается лишь выяснить в каком смысле.² Но все не так просто, как мы далее увидим. Конечно, было бы странным оспаривать реальность права. Человек узнаёт, что право реально, т.е. что оно существует, наличествует, действует, например, когда совершает правонарушение (вернее, когда, совершив некое действие,

© В.В. Оглезнев, 2023

¹Я благодарен профессору Кэлеру за ценные замечания и комментарии, позволившие прояснить отдельные положения его теории.

²Р. Карнап подобного рода вопросы называл «псевдо-вопросами», см.: Carnap R. Empiricism, Semantics, and Ontology // *Revue Internationale de Philosophie*. 1950. Vol. 11. No. 4. – Pp. 20-40.

вдруг узнает, что этого делать не следовало) или же когда ему требуется выполнить некое действие (например, заплатить налоги, составить завещание) или же когда он требует выполнения в свою пользу некой обязанности (например, оказать услугу, передать товар). Здесь право реально в том смысле, что оно, будучи выраженным в действующих нормативно-правовых актах, особым образом влияет на социальное положение человека, непосредственно отражаясь на его жизнедеятельности. И сомневаться в реальности права в таких случаях не приходится. Проблемы возникают тогда, когда мы задаемся такими вопросами, как: «Какова природа реальности права?», «Является ли право абстрактным объектом?», «В каком смысле право существует?», «Может ли право существовать, не будучи реальным, и *visa versa*?».

На эти и другие связанные с этой темой вопросы пытается ответить современный немецкий философ права Лоренц Кэлер в статье «Ослабленная реальность права»³, перевод на русский язык которой публикуется в данном номере. Л. Кэлер развивает действительно оригинальную теорию, непохожую ни на что в современной юридической литературе. Но важно отметить, что это пока лишь теория, в основании которой лежат несколько предположений, развиваемые и защищаемые автором в последние несколько лет.⁴ Автор не считает, что его тезисы являются неоспоримыми, напротив, он их формулирует таким образом, чтобы спровоцировать читателя на размышление и пригласить к возможной дискуссии. Однако выдвигаемые Л. Кэлером аргументы кажутся вполне обоснованными: у них есть необходимое философское основание, переход от одного вывода к другому соответствует общему ходу рассуждения, аргументация последовательна и согласована. Все это говорит о том, что перед нами пусть еще не концепция, но уже достаточно развитая теория (набор обоснованных предположений), которая вполне может быть предметом обсуждения. Ее можно обсуждать даже несмотря на то, что отдельные выводы и аргументы автора кажутся еще не до конца проработанными, а общая картина теории несколько размытой. Но если настроить фокус, то теория Л. Кэлера оказывается простой и элегантной, где органично переплетаются такие, казалось бы, несовместимые философские течения, как реализм, концептуализм и номинализм, которые, не противореча, а дополняя и подкрепляя друг друга, образуют интересное эклектичное единство.

Основные положения

Рассмотрим основные положения правового онтологического идеализма Л. Кэлера, некоторые из которых автор развивает в статье «Ослабленная реальность права». В основании его теории лежат два предположения позитивного и негативного характера соответственно. Начнем с негативного тезиса, который занимает центральное место в развиваемом автором подходе. Большая часть анализируемой статьи направлена на опровержение аргументов (преимущественно американского) правового реализма, выступающего своего рода антитезой теории немецкого правоведа. Поэтому представляется полезным кратко обрисовать объект его критики.

³Kähler L. The Attenuated Reality of Law // Law and Realism / ed. André Ferreira Leite de Paula & Andrés Santacoloma Santacoloma. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. – Pp. 23-42.

⁴См.: Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107. No. 3. – P. 392-416; Kähler L. The Attenuated Reality of Law // Law and Realism / ed. André Ferreira Leite de Paula & Andrés Santacoloma Santacoloma. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. – Pp. 23-42.

Правовой реализм, как известно, основан на представлении о том, что право по большей части есть результат деятельности судей, основывающихся свое решение не только на сложившейся прецедентной судебной практике, но и на анализе социального контекста тех или иных правовых действий. Такой анализ со стороны судей при принятии ими решений в свою очередь создавал новые прецеденты и в этом качестве мог рассматриваться как то, что создает право непосредственно в самом факте его применения. В наибольшей степени подобный подход был свойственен представителям американского правового реализма. И это не случайно. В первой половине XX в. американский правовой реализм во многом основывался на идеях философии прагматизма, к представителям которого относятся такие американские философы, как Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи. Для этого философского направления характерны недоверие к чисто спекулятивной, теоретической деятельности, оторванной от практики, стремление обратить философию к реальной жизни, сделать ее средством для решения социальных проблем. Эта точка зрения особенно характерна для классика американского прагматизма Дж. Дьюи, который считал, что абстрактные, чисто умозрительные построения философии, даже если они внутренне согласованы, не имеют никакого значения.⁵ Оправдание философских теорий должно лежать в области прикладных гуманитарных наук вроде социологии, теории политики или педагогики. Только в том случае, если разработанные философией подходы, воспринятые в методологии прикладных наук, находят оправдание в практической деятельности, философские теории можно считать в определенной степени истинными, где истинность понимается как согласованность с определенным типом социальной деятельности. Философия же во всех своих проявлениях и разнообразных интересах должна руководствоваться не априорными понятиями, например о природе человека или о сущности социальных институтов, но отталкиваться от практики гуманитарных исследований конкретной деятельности человека и различных социальных групп.

Американские правовые реалисты полагали, что это в равной степени должно относиться и к теоретической юриспруденции, которая зачастую отрывается от жизни. По их мнению, для того чтобы понять сущность права, нужно обратиться не к абстрактным теориям, а к реальной судебной практике и реальным судебным процессам. Отсюда право понимается как результат деятельности судей. Причем совершенно в духе философии американского прагматизма, они считают, что для надлежащей практики правоприменения юристу в большей степени следует знать социологию и психологию, нежели исследования в области философии права, ориентированные на анализ специфики правовых институтов и правовых понятий.⁶

Не углубляясь в детали отстаиваемой правовым реализмом позиции (по этому поводу есть действительно фундаментальные исследования, заслуживающие серьезного внимания⁷), обратимся лишь к одному тезису, который имеет непосредственное отношение к обсуждаемой теме. Правовые реалисты были глубоко

⁵См.: The Philosophy of John Dewey / ed. John J. McDermott. Chicago and London: University of Chicago Press, 1981.

⁶См.: Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права Г.Л.А. Харта и правовой реализм // Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. М.: Канон+, 2023. С. 121-122.

⁷См., напр.: Тонков Д.Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2021; Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Правовой реализм. СПб.: Алетейя, 2022.

убеждены в том, что право следует изучать с помощью научной методологии, прежде всего, с помощью методов естественных наук. Для этого надо четко различать право, каково оно *есть*, и право, каковым оно *должно быть*. А поскольку право, по мнению правовых реалистов, невозможно понять вне и помимо его применения, значит, *существует* только действующее право. В то время как *должное* право (каким оно должно быть), не имеющее практического значения, интереса не представляет. Но чтобы право можно было трактовать в духе эмпирических наук, надо либо полностью избавиться от неправовых понятий (моральных, эстетических и проч.), либо превратить (или перевести) их в эмпирически проверяемые термины.⁸ Именно этот тезис правового реализма Л. Кэлер стремится оспорить, чтобы затем построить свою теорию.

В критике правового реализма Л. Кэлер занимает, по сути, платонистскую позицию, признавая право абстрактным объектом, который не имеет пространственно-временных характеристик, а значит, не может быть ни физическим, ни ментальным. И хотя эмпирические факты могут подтверждать, что право *действует*, но их одних явно недостаточно, чтобы объяснить и обосновать его реальность. Ибо ни материальное воплощение законов (текстуальная форма), ни процедура их принятия (процесс обсуждения законопроектов), ни их применение на практике, ни даже их юридическая действительность (валидность и имплементированность в действующее право) не могут считаться надежными критериями, позволяющими утверждать, что право существует.⁹ Помимо этих эмпирических фактов, считает немецкий правовед, нужны еще такие нормативные основания, как нормы, причины и другие элементы *должного*.¹⁰ Они не зависят от времени и пространства, а потому эмпирическими фактами не являются. В силу своей всеобщности нормативные основания следует трактовать как «идеальные онтологические сущности, существенно отличающиеся от эмпирических фактов».¹¹ Но об этом позднее.

Объяснение реальности права с помощью нормотворчества или с помощью деятельности законодательного органа тоже не представляется удовлетворительным. Хотя и нормотворчество, и деятельность парламента могут рассматриваться в качестве эмпирических фактов, необходимых для создания норм, и восприниматься как основание реальности права, но ни то, ни другое не позволяет ответить, например, на вопрос, а почему нормы права продолжают существовать после введения их в силу. Л. Кэлер считает, что это связано прежде всего с тем, что существование норм вне-

⁸См.: Christie G., Martin P. Jurisprudence: Text and Readings on the Philosophy of Law. Third Edition. Saint Paul, MN: Thomson/West, 2007. P. 642-644.

⁹Здесь следует особо подчеркнуть, что Л. Кэлер в своей теории не различает реальность и существование права. Для него если нечто реально, то оно существует, и наоборот, если нечто существует, то оно реально. Насколько такая позиция оправдана, решать читателю. Например, сказочные объекты (сапоги-скороходы, ковер-самолет, говорящие животные и т.д.), конечно, нереальны, но как элементы сказки они *существуют* в особом смысле. Их *существование* замечательно описал Г.Л.А. Харт: «Мы знаем, что людоедов (*orges*) не существует, но рассказчик для нашего развлечения применяет особое употребление слов, которое мы можем назвать разговором, как *если бы они были*». – Цит. по: Харт Г.Л.А. Сказка логика // Харт Г.Л.А. Философия и язык права / под общ. ред. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2017. С. 84.

¹⁰См.: Кэлер Л. Значение нормативных оснований для формирования правовых понятий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 3(15). – С. 62-91.

¹¹Кэлер Л. Нормативность по-прежнему важна: ответ оппонентам // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 6(15). С. 140.

временно. Оно не поддается описанию в темпоральных терминах, ибо норма, однажды возникнув, остается *реальной и существующей* даже если она отменена или устарела, а потому не применяется. Норма остается таковой благодаря своей идеальной природе. И здесь мы подходим ко второму (позитивному) тезису Л. Кэлера о том, что право является онтологически идеальным объектом, поэтому его реальность нельзя описать с помощью эмпирической терминологии.

Оспаривание эмпирической реальности права, не отрицая при этом необходимости определенных эмпирических фактов для его реальности, приводит немецкого правоведа к выводу, что право является онтологически идеальной сущностью. Но как эту сущность распознать? Ответ Л. Кэлера состоит в том, что такая сущность, во-первых, должна обладать пропозициональным содержанием и, во-вторых, быть нематериальной. Начнем с пропозиционального содержания. Таким содержанием обладают числа, цвета, рассказы и другие идеальные объекты, которые автор в духе Платона называет «идеями». К ним относятся и нормы права, которые, подобно числам или рассказам, обладают определенным пропозициональным содержанием, выраженным нормотворческим актом или другими лингвистическими средствами. Однажды созданные нормы существуют, подобно числам, независимо от какого-либо конкретного высказывания, и, следовательно, являются онтологически идеальными. Как и числа, нормы права существуют вне времени и пространства, и за пределами человеческого мышления и восприятия: «Идеальность права заключается в том, что в отличие от материальных объектов право не имеет пространственно-временных характеристик и не подвержено физической причинности».¹² В этом вопросе Л. Кэлер разделяет скорее фрегеанскую позицию, уподобляя свои идеальные объекты тому, что Г. Фреге называл «мыслями», которые не являются ни вещами внешнего мира, ни представлениями. Следующее размышление Г. Фреге объясняет позицию немецкого правоведа: «Так, например, мысль, которую мы высказываем в теореме Пифагора, истинна вне всякого времени и не зависит от того, считает ли кто-нибудь ее истинной. Она не требует носителя. Она не стала истинной только после того, как была открыта... Формулируя и обдумывая мысль, мы ее не создаем, а вступаем с ней, существовавшей уже до этого, в некое отношение, которое отлично от отношения зрительного восприятия и от отношения обладания представлением».¹³

Материалы и методы

В статье использована статья и труды выдающегося немецкого теоретика права Лоренца Кэлера, а также иная научная литература по проблемам теории и философии права. В статье использованы *методы исследования* характерные для аналитической философии права, в том числе связанные с применением методов логического и лингвистического анализа.

Результаты исследования

Надо сказать, что идея пропозиционального содержания – мысль очень интересная. Именно пропозициональное содержание, вернее обладание им, по мнению Л. Кэлера, *делает* объект онтологически идеальным. Это его имманентное свойство,

¹²Цит. по: Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107. No. 3. P. 395.

¹³Цит. по: Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 335.

нечто такое, что в нем заложено *a priori*. Априорный характер содержания идеальных объектов немецкий правовед объясняет тем, что хотя это содержание может выражаться в определенном языке, но его пропозициональная форма не зависит от конкретного языка (русского, немецкого, английского), оно может быть сформулировано и в других языках. Концептуализация нормы права средствами естественного языка не оказывает влияния на ее пропозициональное содержание: «Нормы могут быть сформулированы без потери смысла в разных местах, в разное время и разными способами, не изменяя при этом своего содержания. Хотя их воплощение отличается, хотя бы потому, что каждая из них имеет свое местоположение, это не относится к выраженному в них смыслу. При правильной формулировке их содержание будет идентичным, независимо от их индивидуального происхождения».¹⁴ Например, предложение «Все обязаны платить налоги», на каком бы языке оно ни формулировалось, его пропозициональное содержание будет одинаковым. Но можно представить такой примитивный язык, в котором просто нет слова «налоги», но есть семантически равнозначное слово «деньги». И тогда пропозициональное содержание может отличаться, вернее, это будут два разных пропозициональных содержания, хотя и близких по смыслу. Все дело в том, что пропозиции, выражающие онтологически идеальные объекты, сами являются абстрактными объектами. Следовательно, какими бы средствами (лингвистическими или нормативными) пропозициональное содержание нормы ни выражалось, оно не имеет эмпирического измерения.

Здесь позицию Л. Кэлера следует уточнить. Мне кажется, что несмотря на свой вневременный и внепространственный характер, онтологически идеальные объекты все же нуждаются в *носителе* (словами Фреге), поскольку их идеальное существование обусловлено тем, что их можно помыслить (*некто* их может помыслить). Идея пропозиционального содержания, как представляется, это лишь подтверждает. Невозможно помыслить объекты, которые не обладают таким содержанием. Но здесь возникает другая проблема, как же тогда отличить материальные объекты от идеальных, а конкретные от абстрактных. Ведь и те, и другие обладают пропозициональным содержанием. Л. Кэлер выходит из этого затруднения, с одной стороны, утверждая, что онтологически идеальные объекты должны быть нематериальными, а с другой стороны, допуская, что такие объекты могут быть как абстрактными, так и конкретными; тем самым несколько отдаляясь от платонизма и приближаясь к имманентному (умеренному) реализму.¹⁵ Но это уже предмет отдельного исследования.

Как отмечалось выше, Л. Кэлер считает, что помимо наличия у онтологически идеальных сущностей (например, норм права) пропозиционального содержания, еще одним их необходимым признаком должен быть нематериальный характер. Не-

¹⁴Цит. по: Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts. P. 398.

¹⁵Метафизическая позиция Л. Кэлера в вопросах существования абстрактных объектов, например, норм права, напоминает имманентный (или умеренный) реализм – разновидность платонизма, суть которого состоит в том, что абстрактные объекты действительно существуют и что они независимы от нас и нашего мышления; но имманентный реализм утверждает (и в этом его отличие от платонизма), что эти объекты существуют в физическом мире. См.: Balaguer M. Platonism in Metaphysics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. Edward N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/> (12.04.2023).

смотря на то, что содержащееся в норме указание на требуемое действие нематериально, и поэтому не является физическим (эмпирическим), формулировка этого указания все же материальна (текст закона). Но это не так важно. Важно лишь значение слов, зафиксированных с помощью материальных средств. Значение заключено в пропозициональном содержании, а не в материальных средствах, с помощью которых оно выражено. Такие нормативные феномены, как права и обязанности, следует рассматривать, как «онтологически идеальные» в том смысле, что это позволяет лучше передать мысль об их существовании подобно идеям. Их онтологическая идеальность отличается от нормативной идеальности тем, что постоянство нормы не зависит от ее фактического содержания. Ведь даже несправедливые (аморальные) или воображаемые нормы будут онтологически идеальными, потому что они столь же нематериальны, как и справедливые или реальные нормы, и так же обладают пропозициональным содержанием. Следовательно, права и обязанности обладают пропозициональным, нематериальным, а значит, онтологически идеальным содержанием.

Заключение

Быть онтологически идеальным просто означает, что сущность обладает определенным пропозициональным содержанием, и она нематериальна. Но идеальный характер права и сопутствующая ему недостаточная эмпирическая доступность, по мнению Л. Кэлера, не являются недостатками, которые можно попытаться преодолеть с помощью позитивистских или натуралистических теорий. Напротив, эти недостатки оборачиваются преимуществами, без которых право не могло бы выполнять свои функции. И если бы их не было, то следовало бы их пожелать.¹⁶ Поэтому для признания сущности онтологически идеальной требуется так мало. Правовой онтологический идеализм предполагает лишь ослабленную форму реальности, ибо любая норма, чтобы быть осмысленной и затем сформулированной, нуждается в этой онтологически идеальной реальности. А значит, реальность права не может быть эмпирической.

Можно, конечно, отказаться признавать онтологически идеальные сущности, но это будет означать признать их существование, и тогда уже нельзя будет утверждать, что их нет, а значит надо согласиться, что они *есть*. Эту парадоксальную ситуацию У.В.О. Куайн метко назвал «бородой Платона» (*Plato's beard*), т.е. «запутанной доктриной, которая исторически доказала свою жесткость, часто притупляя лезвие бритвы Оккама».¹⁷ Выходом из этой ситуации У.В.О. Куайн видел признание того, что онтология физических объектов суть миф, потому что считал, что «физические объекты – это постулируемые сущности, которые упрощают и завершают наше описание потока опыта, так же как введение иррациональных чисел упрощает законы арифметики».¹⁸ Но дело даже не в этом, а в том, должны ли разные варианты объяснения реальности или существования права признаваться конкурирующими или взаимоисключающими. Кажется, что нет. Это просто разные объяснения в силу

¹⁶Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts. P. 416.

¹⁷Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 7.

¹⁸Там же. С. 22.

сложного характера объясняемого объекта. Теория онтологической идеальности Л. Кэлера является лишь одной из них. Насколько она справляется с поставленными задачами, судить читателю. Но то, что она пытается ответить на онтологические вопросы и пролить свет на природу права, сомнений не вызывает.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 18-78-10082П.

В.В. Оглезнев, ф.г.д., Бремен университетінің Заң факультетінің профессоры (Бремен, Германия); Ресей Ғылым академиясының Сібір филиалының философия және құқық Институтының жетекші ғылыми қызметкері (Новосибирск, Ресей); Аристотель қоғамының мүшесі (Ұлыбритания): Құқық қай мағынада нақты? Лоренц Кэлер құқығының онтологиялық идеал теориясы.

Мақала тақырыбының өзектілігі неміс құқық философы Лоренц Кэлердің құқық онтологиялық идеализм теориясының негізгі ережелерін ашумен және түсіндірумен байланысты, олардың кейбіреулері осы нөмірде жарияланған «құқықтың әлсіреген шындығы» мақаласында келтірілген. Зерттеу тақырыбы – онтологиялық тұрғыдан идеалды объектілердің табиғаты, олардың пропорционалды мазмұны мен материалдық емес сипаты сияқты қажетті қасиеттерінде көрінеді. Жұмыстың мақсаты – неміс құқық философының теориясын оның жеке элементтерін талдау арқылы ұсыну. Зерттеудің негізгі әдістері-тарихи-философиялық талдау және контекстік интерпретация. Зерттеудің жаңалығы мынада: алғаш рет орыс тілінде қазіргі заң әдебиетіндегі ештеңеге ұқсамайтын құқық шындығының өзіндік теориясы талданады. Мақаланың негізгі тұжырымдары Л. Кэлердің құқықтық онтологиялық идеализм теориясының негізгі дәлелдерін көрсету болып табылады.

Тірек сөздер: шындық, болмыс, құқық онтологиясы, құқық метафизикасы, пропозициялық мазмұн, идеалды нысандар, дерексіз нысандар, эмпирикалық фактілер, құқық нормалары, Л. Кэлер.

V.V. Ogleznev, DSc in Philosophy, Professor of the Faculty of Law at University of Bremen (Bremen, Germany); Leading Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russia): In what sense is a law real? Lorenz Kähler's theory of the ontological ideality of law.

The relevance of topic concerns with the disclosure and explanation of the main theses of the theory of the ontological ideality of law proposed by Lorenz Kähler, German legal philosopher, some of which are presented in the article “The attenuated reality of law” published in this issue. *The subject of study* is the nature of ontologically ideal objects, which is manifested in their necessary properties such as propositional content and immaterial character. *The aim* of work is to present the theory of German legal philosopher through the analysis of its particular elements. *The main methods* are historical-philosophical analysis and contextual interpretation. *The novelty of research* lies in the fact that for the first time an original theory of reality of law, unlike anything else in the contemporary legal literature, is analyzed in Russian. *The main conclusions* consist in explication of the arguments of Kähler's theory of legal ontological idealism.

Keywords: reality, existence, ontology of law, legal realism, propositional content, ideal entities, abstract objects, empirical facts, legal norms, L. Kähler.

Список литературы:

1. Куайн У.В.О. С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
2. Кэлер Л. Значение нормативных оснований для формирования правовых понятий // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 3(15). – С. 62-91.
3. Кэлер Л. Нормативность по-прежнему важна: ответ оппонентам // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. № 6(15). – С. 120-142.
4. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык и речевые акты. М.: Канон+, 2023.
5. Тонков Д.Е. Правовой реализм: американское и скандинавское направления. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2021.
6. Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Правовой реализм. СПб.: Алетея, 2022.
7. Фреге Г. Логика и логическая семантика / под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000.
8. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / под общ. ред. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2017.
9. Balaguer M. Platonism in Metaphysics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. Edward N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/>.
10. Carnap R. Empiricism, Semantics, and Ontology // Revue Internationale de Philosophie. 1950. Vol. 11. No. 4. – P. 20-40.
11. Christie G., Martin P. Jurisprudence: Text and Readings on the Philosophy of Law. Third Edition. Saint Paul, MN: Thomson/West, 2007.
12. Kähler L. The Attenuated Reality of Law // Law and Realism / ed. André Ferreira Leite de Paula & Andrés Santacoloma Santacoloma. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. – P. 23-42.
13. Kähler L. Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts // ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2021. Vol. 107. No. 3. – P. 392-416.
14. The Philosophy of John Dewey / ed. John J. McDermott. Chicago and London: University of Chicago Press, 1981.

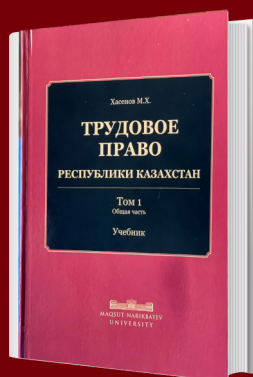
References (transliterated):

1. Quine W.V.O. S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskih ocherkov / pod obshch. red. V.A. Surovceva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003.
2. Kähler L. Znachenie normativnyh osnovanij dlya formirovaniya pravovyh ponyatij // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2020. № 3(15). – S. 62-91.
3. Kähler L. Normativnost' po-prezhnemu vazhna: otvet opponenam // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2020. № 6(15). – S. 120-142.
4. Ogleznev V.V., Surovcev V.A. Analiticheskaya filosofiya prava: yuridicheskij yazyk i rechevye акты. М.: Канон+, 2023.
5. Tonkov D.E. Pravovoj realizm: amerikanskoe i skandinavskoe napravleniya. М.: Изд-во «YurLitinform», 2021.
6. Tonkov E.N., Tonkov D.E. Pravovoj realizm. SPb.: Aleteya, 2022.
7. Frege G. Logika i logicheskaya semantika / pod red. Z.A. Kuzichevoj. М.: Аспект Пресс, 2000.

8. Hart H.L.A. *Filosofiya i yazyk prava / pod obshch. red. V.V. Oglezneva, V.A. Surovceva*. M.: Kanon+, 2017.
9. Balaguer M. *Platonism in Metaphysics* // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. Edward N. Zalta. 2016. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2016/entries/platonism/>.
10. Carnap R. *Empiricism, Semantics, and Ontology* // *Revue Internationale de Philosophie*. 1950. Vol. 11. No. 4. – P. 20-40.
11. Christie G., Martin P. *Jurisprudence: Text and Readings on the Philosophy of Law*. Third Edition. Saint Paul, MN: Thomson/West, 2007.
12. Kähler L. *The Attenuated Reality of Law* // *Law and Realism* / ed. André Ferreira Leite de Paula & Andrés Santacoloma Santacoloma. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021. – P. 23-42.
13. Kähler L. *Weder Idealismus noch Naturalismus: Zum Anliegen einer Idealitätstheorie des Rechts* // *ARSP Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 2021. Vol. 107. No. 3. – P. 392-416.
14. *The Philosophy of John Dewey* / ed. John J. McDermott. Chicago and London: University of Chicago Press, 1981.

Для цитирования и библиографии: Оглезнев В.В. В каком смысле право реально? Теория онтологической идеальности права Лоренца Кэлера // *Право и государство*. № 1(98), 2023. – С. 6-15. DOI: 10.51634/2307-5201_2023_1_6

Материал поступил в редакцию 15.04.2023.

НОВЫЕ КНИГИ

Хасенов М.Х. Трудовое право Республики Казахстан. В 3 томах. Том 1. Общая часть. Учебник. – Алматы: Smart University Press, 2023. – 506 с.

ISBN 978-601-269-337-9

Учебник подготовлен в соответствии с учебной программой по дисциплине «Трудовое право Республики Казахстан» для высших учебных заведений. Книга содержит ключевые слова и контрольные вопросы для самопроверки по каждой главе курса, список рекомендуемой литературы, нормативных правовых и международных актов, разделы учебника сопровождаются извлечениями из судебной практики (образцовые судебные акты). По каждой теме приводится обзор

диссертационных исследований.

Отличительной особенностью учебника является широкий круг тем и используемых материалов, анализ судебной практики и доктрины трудового права, а также наличие схем и таблиц, которые позволяют наглядно иллюстрировать основные положения курса.

Настоящее издание представляет интерес для студентов, магистрантов, докторантов, научно-педагогических работников, специалистов в области права и управления персоналом, профессиональных союзов и всех, кто интересуется трудовым правом.